

Документ древненовгородского свадебного ритуала

Костяная грамота XIII века
из раскопок 2020 года*

**Марина Анатольевна
Бобрик**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук,
Москва, Россия

Виктор Кашмирович Сингх

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

A Witness of the Matrimonial Rituals from Old Novgorod

Inscription on a Bone
from the 13th Century
Excavated 2020

Marina A. Bobrik

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia

Viktor K. Singkh

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, предоставленного через Институт славяноведения РАН, проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования».

Цитирование: *Бобрик М. А., Сингх В. К.* Документ древненовгородского свадебного ритуала. Костяная грамота XIII века из раскопок 2020 года // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 22–40.

Citation: *Bobrik M., Singkh V.* (2021) A Witness of the Matrimonial Rituals from Old Novgorod: Inscription on a Bone from the 13th Century Excavated 2020. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 22–40.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.2

Резюме

Летом 2020 г. на раскопках в Новгороде был найден фрагмент коровьего ребра с кириллической надписью. Место находки — одна из богатых боярских усадеб в Людином конце средневекового Новгорода. Время попадания документа в землю — последняя четверть XIII — первое двадцатилетие XIV века. Впервые в Новгороде найдена надпись на кости, которая представляет собой цельное, читаемое сообщение. Историко-культурная ценность находки состоит в содержании надписи: это уникальное свидетельство договора о выкупе невесты. Ценность представляет терминология обрядовых ролей: невеста, от имени которой написан текст, и жених (адресат) обозначаются не собственными именами (христианскими или дохристианскими), а образами обрядового фольклора свадьбы — *куна* 'куница' и *соболя* 'соболь'. Не менее интересен и размер выкупа. Структура и содержание текста заставляют думать о диалоге между двумя группами участников брачного ритуала — со стороны жениха и со стороны невесты. Новое свидетельство брачного обряда и связанной с ними устно-письменной коммуникации расширяет наши представления об этой сфере средневековой культуры и позволяет откорректировать некоторые интерпретации немногочисленных берестяных грамот на темы брака.

Ключевые слова

письменность Средневековья, древнерусская эпиграфика, надпись на кости, древнерусская брачная обрядность, выкуп невесты

Abstract

In the summer of 2020, a fragment of a cow's rib with a Cyrillic inscription was found at excavations in Novgorod. The place of the find is one of the richest boyar estates in the Lyudin quarter of medieval Novgorod. The time of the document hitting the ground is the last quarter of the 13th—the first twenty years of the 14th century. The inscription is fully preserved, it contains a whole readable message. The historical and cultural value of the find lies in the content of its compact inscription: it is unique evidence of a bride-price agreement. The terminology is of value: the bride, on whose behalf the text is written, and the groom (addressee) are designated not by their own names (Christian or pre-Christian), but by the images of the ritual folklore of the wedding—*kuna* 'marten' (she) and *sobol'a* 'sable' (he). The bride-price is no less interesting. The text communicates an idea of a dialogue between the two sides of the marriage ritual. The new evidence of the matrimonial rites and the associated oral-written communication expands our understanding of this sphere of medieval culture and allows us to correct some interpretations of the few birch bark letters on the topic of marriage.

Keywords

Medieval Literacy, Old Russian inscriptions, inscription on a bone, Old Russian matrimonial rituals, bride price

1. Археологический контекст находки¹

В полевом сезоне 2020 г. в Великом Новгороде на раскопе Троицкий XVI была обнаружена необычная находка — фрагмент ребра коровы с процарапанным на нем текстом. Надпись нанесена на центральной или дистальной части тела ребра крупного рогатого скота. Поперечные следы на внешней и внутренней стороне предмета были оставлены острым орудием, возможно, мясным ножом при кухонной разделке реберного отдела туши. Для нанесения надписи был использован фрагмент ребра после приготовления мясного блюда и образовавшегося кухонного отхода. О размере самого ребра сказать ничего нельзя, поскольку неизвестно, какое это ребро по счету, завершён ростовой процесс или нет, неясен возраст животного².

Находка обнаружена в Людином конце средневекового Новгорода (южная часть Софийской стороны) при исследовании усадьбы, открытой на раскопе Троицкий XVI, который находится к юго-западу от перекрестка Троицкой-Пробойной и Редятиной улиц, непосредственно напротив церкви Св. Троицы, и отделен от основного массива Троицких раскопов Редятиной улицей. Изучаемая усадьба, как и сам раскоп, также располагалась на перекрестке средневековых Пробойной и Редятиной улиц и имела въезд со стороны последней.

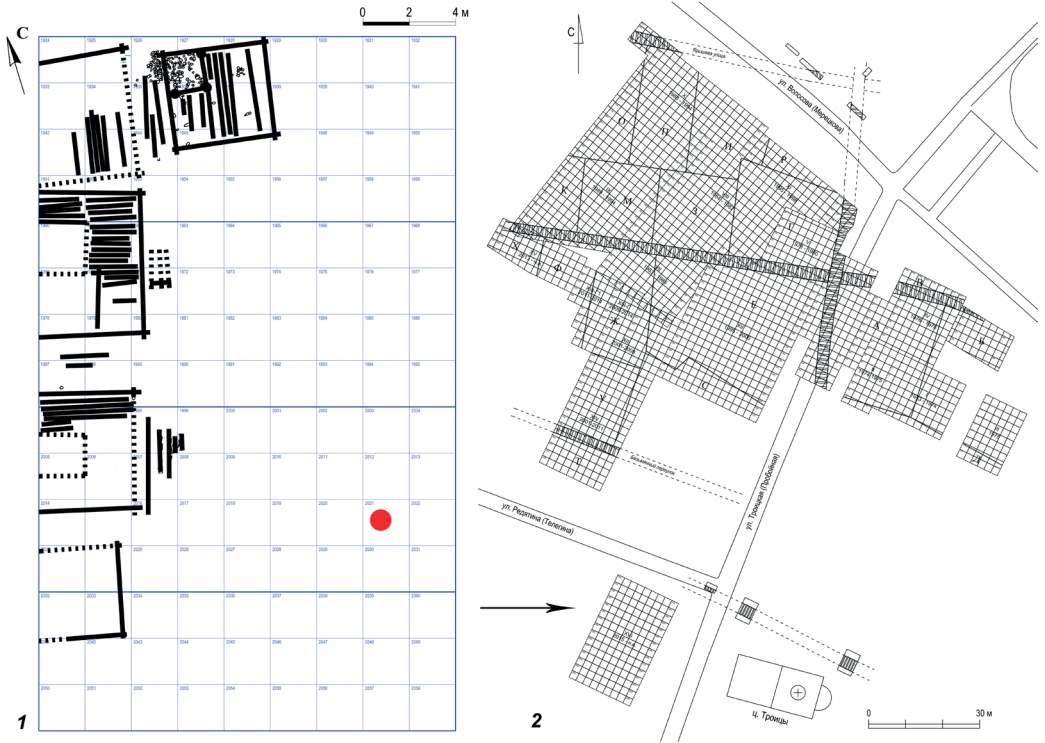
Фрагмент ребра с надписью был найден в темно-коричневом слое с большим количеством навоза и не связан с какими-либо постройками на усадьбе (см. ил. 1)³. Вероятно, его стоит относить к горизонту застройки седьмого яруса, формирование которого относится к 1280–1290-м гг. Находка перекрыта срубом XVI-3 яруса 6, который являлся основной жилой постройкой этого строительного горизонта. На основе образцов, отобранных для дендрохронологического анализа, датой строительства этого сруба можно считать 1319 г. Таким образом, время попадания находки в культурный слой относится к последней четверти XIII — первому десятилетию XIV вв.⁴ Застройка этого периода (как и последующих) сосредоточена вдоль западной границы усадьбы и представлена четырьмя небольшими и средних размеров четырехстенными срубами жилого, хозяйственного или производственного характера.

¹ Раздел 1 написан В. К. Сингхом, автор раздела 2 — М. А. Бобрин.

² Археозоологическое определение фрагмента выполнено специалистом кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова О. С. Лебедевой.

³ Паспортные данные находки: пласт 7, квадрат 2021, полевой № 16, глубина залегания — 127 см.

⁴ Дендрохронологический анализ проведен в. н. с., руководителем Центра по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника, к. и. н. О. А. Тарабардиной.

1 - план раскопа Троицкий XVI на уровне яруса 7 усадебной застройки с указанием места находки

2 - ситуационный план Троицкого раскопа в Людином конце Новгорода

Ил. 1. Место находки «костяной грамоты»

В некоторых из них сохранились остатки отопительных сооружений. Застройка в восточной части усадьбы на данном этапе исследований не прослежена. Вероятно, она будет открыта при исследовании нижележащих пластов, учитывая довольно значительное понижение средневековой дневной поверхности с запада на восток.

Совершенно очевидно, что ребро с надписью обнаружено на дворовой территории усадьбы, о чем свидетельствует характер культурного слоя (темно-коричневый органический слой с примесью большого количества навоза), малое количество массового материала (фрагменты керамики, кости животных, обрезки и обрывки кожи, береста, войлок и др.) и индивидуальных находок. Среди предметов, зафиксированных в комплексе с «костяной грамотой», — рядовые бытовые вещи: железные ножи и их фрагменты, обломки игл, ластильная (корабельная) скоба, детали кожаной обуви (подошвы, задник сапога). Определенный

интерес представляет деревянный двухсторонний гребень, с вырезанными на обеих сторонах геометрическими знаками.

В целом стоит отметить, что набор обнаруженных на усадьбе находок обладает достаточно престижным характером и, вкуче с данными берестяных грамот и сфрагистического материала, а также анализом топографического контекста двора, позволяет говорить о высоком социальном статусе владельцев усадьбы, которые, вероятно, принадлежали к боярской верхушке средневекового Новгорода.

Основным материалом для письма, который использовали в Древней Руси для повседневной переписки, была береста. Одиночные надписи встречаются на деревянных, каменных и глиняных изделиях. Кость для этих целей использовалась крайне редко.

До сих пор при раскопках в Новгороде было обнаружено четыре фрагмента костей животных с нанесенными на них надписями. Два из них были найдены на Неревском раскопе в 1956 и 1958 гг. в слоях первой четверти XI в. на территории одной усадьбы.

Одна из записей была сделана на ребре коровы и состояла из 35 знаков, расположенных в две с половиной строки. Слева от надписи процарапана геометрическая фигура в виде двух треугольников, соприкасающихся вершинами [Рыбина, Хвоцинская 2010: 71]. А. Ф. Медведев, опубликовавший эту находку, отмечает, что среди процарапанных знаков есть буквы рунического алфавита, а также знаки, схожие с тюркским и древнеславянским алфавитами [Медведев 1968: 437].

По мнению Е. А. Мельниковой, проанализировавшей этот предмет, содержание надписи непонятно, но почти половину знаков можно отождествить с младшими рунами шестнадцатизначного алфавита в его «обычной» (датской) разновидности, характерной для XI в. [Мельникова 1977: 157–158].

Вторая надпись была нанесена на обломок левой локтевой кости домашней свиньи. Данная надпись представляет собой часть рунического алфавита (не сохранились первые пять рун), выполненная младшими рунами или так называемым «датским» футарком [Макаев 1962: 309–310]⁵.

⁵ В 2017 г. подобная находка, датируемая началом VII в., была сделана чешскими исследователями во время раскопок раннеславянского поселения Ланы близ города Бржецлав в южной Моравии [Macháček et al. 2021]. Надпись, нанесенная на обломок коровьего ребра, содержала семь последних букв алфавитного ряда старшего футарка, состоящего из 24 знаков. Еще два фрагмента коровьих ребер с руническими надписями были обнаружены в 1982 г. при раскопках в Золотом квартале Сигтуны (Швеция). По найденным вместе с ними предметам они были датированы XIII в. [Gustavson et al. 1983 [в библио только 2001]; Мельникова 2001: 177]. На лицевой стороне одного фрагмента (предположительно магическо-религиозного предназначения) написана молитва с призывом к

Все вышеописанные находки, обнаруженные при раскопках в Новгороде, очевидно связаны со скандинавским присутствием на его территории в X–XI вв., и относятся к теме данной статьи лишь опосредованно. Любопытно, что и здесь для нанесения одной из надписей использован фрагмент коровьего ребра.

В Новгороде кость как носитель текста встречается в ранних культурных слоях, в которых немало скандинавских находок, и это дает основание связывать саму практику письма на кости с о скандинавскими традициями в Новгороде.

В 2005 г. на раскопе Троицкий XIII в слое первой половины XII в. был найден фрагмент биты для игры в бабки (астрагал) с владельческой надписью ЛАЗОРЕВЪ [Янин et al. 2006: 11, рис. 3.1].

Отдельные кириллические и глаголические буквы были процарапаны на кости, найденной на раскопе Троицкий XIII (участок Г-1) в 2013 г. [Михеев, Сингх 2016]. Кость происходит с усадьбы «Ж» и датируется второй половиной XI в. На одной стороне фрагмента тазовой кости мелкого домашнего скота хаотически расположены не менее семи кириллических надписей, содержащих от одной до четырех букв. На оборотной стороне читается глаголическая надпись.

2. Надпись и филологический комментарий к ней

Текст записан в две строки, двумя почерками, последние пять буквенных позиций сопровождаются разделителями (см. ил. 2). Бóльшая часть надписи прочерчена отчетливо, с нажимом, в то время как две последние буквы написаны иначе: нажим тут меньше, штрихи тоньше, элементы букв смыкаются неплотно. Различны и начерки разделительных знаков: в первом почерке это отчетливые косые черты на всю высоту строки, во втором же почерке разделители неясны: или короткие штрихи, или неловкие точки.

Первые три слова — цельная фраза — читаются ясно:

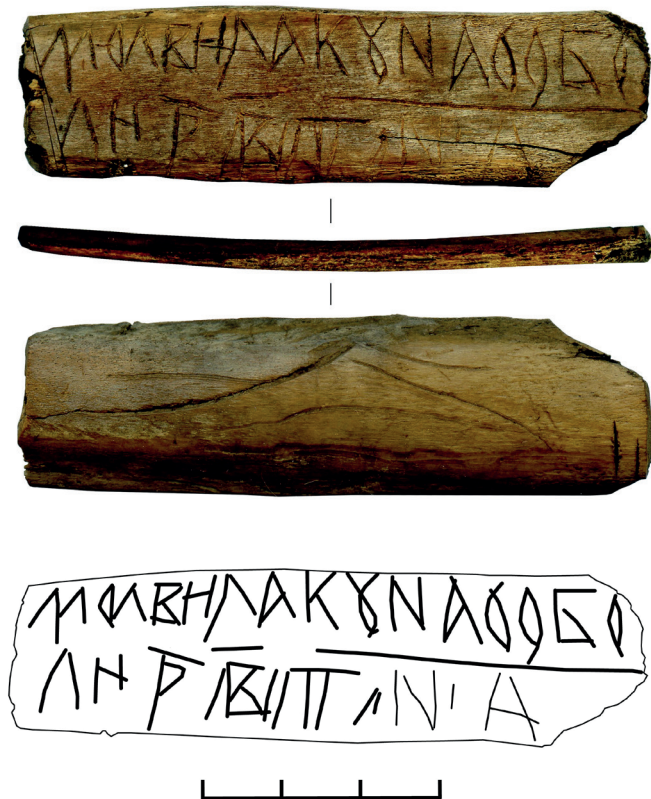
1 **молвила куна собо=**

2 **ли⁶...**

‘сказала куница соболу...’

Христу, а на оборотной стороне вырезаны 12 так называемых «ветвистых» рун. На другом фрагменте ребра коровы процарапана надпись, напоминающая греческое слово ‘*kyrios*’ (господин), впоследствии перечеркнутое [Gustavson et al. 1983: 232].

⁶ Вместо начального *с* в *соболи* поначалу было написано *о* (предвосхищение следующего гласного — нередкая описка и в берестяных грамотах, и в книжном письме). Типологические аналогии такой ошибке — *оо* вместо *со* — известны и в греческо-византийской эпиграфике; один из примеров — в унциальной надписи апсиды церкви св. Ирины в Константинополе [Felle 2020: 197].

Ил. 2. Надпись на кости. Фото и прорись (выполнена Варварой Солдатенковой)

Прочтение завершающей «костяную грамоту» последовательности знаков неоднозначно. Из пяти буквенных позиций (при счете с конца, разделительные штрихи не в счет) в первом почерке отчетливо читаются буквы Р (в 5-й позиции) и В (4-я позиция), во втором — Н (2-я позиция). Неясен написанный первым почерком знак в 3-й позиции (неудавшаяся, исправленная, зачеркнутая буква?); неоднозначна и самая последняя, написанная вторым почерком буква (Л или зеркально повернутое А).

Проблему, кроме того, составляют несколько горизонтальных штрихов, по глубине сопоставимых с начерками первого почерка. Два из этих штрихов — между М и О в *молвила* и проходящий через И и Л в том же слове — несомненно (по смысловым соображениям) посторонни письму и относятся к фактуре материала; иными словами, они того же рода, что и черты на обороте кости, где никакого текста нет (см. фото оборотной стороны на ил. 2). С меньшей уверенностью то же можно утверждать в

Ил. 3. Лигатура ГР (?)

Ил. 4. Последняя буква надписи

отношении штрихов между первой и второй строками — над Р, над В и еще одного длинного, идущего до конца строки, так как все три теоретически можно понять как титла.

В самом деле, поначалу в этой части надписи читали последовательность числовых обозначений под титлами: $\bar{p} / \bar{v} / \bar{i} / \bar{n.l.}$ '112, 50, 30'. Первым это чтение предложил А. А. Гиппиус⁷; в одном из докладов⁸ держалась этой версии и я, однако дополнительное изучение памятника заставило искать другое решение. Добавились два наблюдения:

— комбинация Р и штриха над ним может быть понята как лигатура ГР (см. ил. 3)⁹; штрих проведен в том же направлении, что и верх следующей буквы В и может быть покрытием (соединенной с Р) буквы Г; кроме того, петля Р начата не из верхней точки штанги, а заметно ниже, как это характерно для лигатурных написаний; вероятность промашки на этом месте, в отчетливом первом почерке, сравнительно низка;

— в последней позиции виден наклонный соединительный штрих, превращающий Л в зеркально повернутое А (см. ил. 4)¹⁰; штрих этот слаб, но относительно неглубоко прочерчена и вся буква, о чем уже шла речь в связи с дуктусом второго почерка.

⁷ В докладе на Новгородском семинаре кафедры археологии исторического факультета МГУ (ноябрь 2020 г.). Текст понимался им тогда как запись о торговой сделке: некая Куна торговала соболями, за которые было заплачено 112 гривен, а было этих соболей 50 плюс 30, то есть два сорочка; в публичной лекции в МГУ о письменных находках археологического сезона (декабрь 2020 г.) А. А. Гиппиус от этой интерпретации сюжета отказался, признав, что все числовые обозначения относятся к суммам денег (гривен).

⁸ На XXXV конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» (Великий Новгород, 26–28 января 2021 г.).

⁹ Среди лигатур, которые иногда употребляются в берестяных грамотах (*ou, iv, ni, sho* и некоторых других), лигатура *gp* до сих пор не встречалась, но в книжном письме она хорошо известна.

¹⁰ Зеркальное А как нечастый вариант отмечено в берестяных грамотах периода от середины XII до конца XIV в. [Зализняк 2000: 152–153]; по начертанию ближайший аналог есть дважды (союз *a* и в слове *daui*) в грамоте № 191 того же времени (стратиграфическая дата — вторая половина XIII в., уточненная дата 1300-е — нач. 1310-х гг.) [Ibid.: 153; Idem 2004: 566]; прорись см.: [НГБ IV: 74].

Возможность того, что отмеченные особенности начертаний случайно возникли при затрудненном письме по кости, сохраняется. Если же они не случайность, то в финале надписи можно читать слово **гр/в/-/·н·а** ‘гривна’, где ГР — лигатура, а на месте прочерка неясные штрихи (возможно, не удавшееся и зачеркнутое Н)¹¹.

Стопроцентной уверенности нет ни в одном из двух предложенных чтений, но в настоящее время чтение ‘гривна’ представляется мне предпочтительным как с графической, так и с содержательной стороны, к которой и перехожу.

Кто говорит, к кому обращена речь, в какой ситуации?

Слово *куна* в (древне)русском может служить не только нарицательным названием зверька — куницы, не только собственным именем или прозвищем женщины (*Куна*), но и метафорическим именованием, так сказать, маской невесты. В пару ей традиционной маской жениха в восточнославянской свадьбе является (наряду с горностаем и бобром) соболь.

Невеста именуется кунной, куницей в фольклорных обрядовых текстах:

Особенно часто образ к<уницы> встречается в свадебном обряде: обряд выкупа невесты называется *куница* (чернигов., Лис.: 110); **во время оплакивания невесты** накануне свадьбы **молодежь ходит кунами** (поет так наз. **кунные песни**), в «кунах» иногда участвует и жених (архангел.); **подкунными называют родственников невесты, отвозящих приданое** (вологд., СРНГ 28: 51). Многочисленны примеры, когда в свадебных песнях **невесту называют к<уницей>**. Повсеместно в России, а также на Украине и в Белоруссии распространены приговоры дружки или свата, в которых **поезжане жениха называют себя охотниками на куниц** <...>, говорят, что они по куньему следу пришли в дом невесты. <...> Чаше всего в в.-слав. песенном фольклоре, прежде всего в свадебном, молодец и девица или жених и невеста изображаются как соболь и к<уница>, горностаи и к<уница>, реже — бобр и к<уница> [Гура 2004: 46].

Эротическая и брачная символика куницы проявляется и в диалектных именовании женских гениталий: рус. *куна*, *кунка*, *куница* [СРНГ, 16: 98, 93; Даль, 2: 561; Фасмер, 2: 417].

В текстах того же круга — обрядовых фольклорных песнях — жених может именоваться соболем [СРНГ, 39: 171]. В обширном фольклорно-этнографическом материале, собранном А. В. Гурой [1997: 212], нам в особенности интересны севернорусские примеры:

¹¹ Такое чтение было изложено мною в докладе о «костяной грамоте» на конференции «Вопросы славянской лингвистики и филологии» в Лингвистическом центре Сорбонны (Sorbonne Université, Centre de linguistique en Sorbonne, UFR d'études slaves, Journée d'études «Questions de linguistique et de philologie slaves», 12 мая 2021 г.)

«Не **соболь по улице похаживает**, — <...> / Добрый молодец по горенке похаживает» (Карелия, Яндом-озеро); «Что не **соболь по улице дыблется**, <...> Да еще дыблет-подыблет-от молод князь (Да еще дыблет, подыбливает наш молод князь)» (Архангельская обл., Мезень).

Форма *соболи* в костяной грамоте — это дательный падеж единственного числа мужского рода от *собо́ля*. В фольклорных текстах формы *собо́ль* (по древнему **jo*-склонению, с вариантами, в частности, в творительном множественного, по **i*-склонению *собо́льми*) и *собо́ля* (по **ja*-склонению) варьируют, ср., например, в западнорусском примере из работы А. В. Гуры [1997: 212]:

В Ельнинском у<езде> Смоленской губ<ернии> на свадьбе поют песню, построенную на параллелизме: куница просит соболя вывести ее из бора — молодая просит жениха забрать ее из родительского дома: «Хадила конухна пу бару, / Ина малилася **сабалью**: / — Такей жа, сякей, **саболя**, / Вывидь мяне с бору!»

Ударение на *о* (*сабо́ля*), очевидно, параллельно старому ударению (по акцентной парадигме *b*) в *собо́ль* [Зализняк 2014: 551]. С учетом старого ударения в слове *куна* — на последний слог [Ibid.: 184] фраза на кости может читаться в ритмике фольклорного тактовика: *мо́лвила кунá собо́ли*.

Какой этап свадьбы отражен в костяной грамоте? Полагаю, тот, который, как мы теперь знаем, в некоторых областях так и называется — *куница* (см. выше цит. из [Гура 2004]), а именно *выкуп невесты*¹².

По данным, собранным в XIX в., название выкупа прямо связано с именованьем невесты *куной*. В словаре В. И. Даля [2: 218] свадебной теме посвящена половина статьи о слове *куна*; согласно Далю, значение терминов *куна*, *кунное*, *куничное* — «окуп за невесту владельцу, подать с новоженов; выводное, плата за невесту, выходящую в чужую вотчину; княжее». О возрасте этих обозначений мы ничего не знаем. Средневековая брачная терминология варьировала, можно полагать, не только в зависимости от региона, но и в зависимости от юридической сферы — книжного церковного права (на церковнославянском языке) или обычного права (на стандартизованном диалекте). В древнерусской книжной письменности выкуп жениха за невесту, как и приданое отца, обозначался словом *вѣно*, которое в более широком смысле значит

¹² В традиционной славянской свадьбе много ритуалов выкупа: выкупаются символ девичества (коса невесты, лента, венок), приданое, свадебное знамя, право на проезд свадебного поезда, право войти в дом за невестой, место возле невесты за столом, брачный каравай, право брачной ночи. Во главе этого перечня стоит выкуп невесты [Плотникова 1995: 475].

вообще ‘плата’, этимологически же связано с продажей и торговлей, ср. лат. *vendere* [Фасмер, 1: 291]. Термин *въно* известен в переводах библейских текстов, в кормчей и некоторых других книжных юридических памятниках, в летописи [Срезневский, 1: 487; СДРЯ XI–XIV вв., 2: 294].

Итак, посредством костяной грамоты кто-то, кто представлял стан невесты, передает в стан жениха сообщение о выкупе — вене, или кунном.

Круг «брачных» берестяных грамот, которыми мы располагаем, невелик (БГ № 377, 731, 955 и Ст.Р. 40), тем не менее они дают некоторый фон для костяной грамоты. На этом фоне отчетливее видны свойства вновь найденного документа — его тип, формуляр, коммуникативное устройство, функция; в свою очередь, надпись на кости бросает свет на некоторые дискуссионные вопросы брачных берестяных грамот.

Нельзя не отметить, что по крайней мере некоторые такие грамоты исполнены с особой тщательностью. Новгородская грамота № 955 XII в. (письмо от старшей представительницы невесты к старшей представительнице жениха¹³) оформлена абсолютно необычайными для берестяного корпуса инициалами книжного типа и снабжена тонко исполненным рисунком (прорись см.: [НГБ XII: 54–55]). Нет сомнений, что эти декоративные элементы говорят о высоком, небудничном статусе документа¹⁴. Письмо Ст.Р. 40 XIV в. (приглашение родственнице от родителей невесты на свадьбу) «написано очень уверенной рукой, устойчивым почерком. Буквы глубоко врезаны в бересту, так что документ внешне напоминает надписи, вырезанные на медных пластинах» [НГБ XII: 170–171]. В случае костяной грамоты материал избран более прочный и долговечный; буквы основного текста прорезаны четко и глубоко; в обозначении суммы, на которую в надписи приходится главное смысловое ударение, записано «разрядкой»: между буквами стоят разделители; неудивительно в этом контексте и появление книжного элемента графики — лигатуры ГР (если принять вариант с чтением ‘гривна’).

Писано сообщение в 3-м лице — *молвила куна*, как если бы посланник невесты, передавая написанное, сообщал ее слова. Коммуникативная модель такого типа в брачных грамотах встретила впервые. В берестяной грамоте № 377 того же времени, XIII века, о своей готовности жениться на некоей Малании заявляет от 1-го лица сам жених Микита; при этом присутствие упомянутого в тексте по имени свидетеля

¹³ Иное распределение ролей принято в комментарии А. А. Зализняка [НГБ XII] и в специальной работе Д. Коллинза об этой грамоте [Collins 2011]. Частичная реинтерпретация грамоты № 955 заслуживает отдельного разговора.

¹⁴ В формулировке Д. Коллинза [Collins 2011: 40], “the format serves as a signal of the ritualized solemnity of the marriage negotiations conducted in the document”.

(«послуха»), по-видимому, придает акту обещания юридическую силу [НГБ XII: 232–233], ср. комментарий в: [Зализняк 2004: 494–495]. В других грамотах (№ 731, 955, Ст.Р. 40) о брачующихся и браке говорят и пишут старшие представители обеих сторон (некоторые конкретные роли остаются предметом дискуссии).

Близкая к костяной грамоте конструкция есть в уже упомянутой берестяной грамоте № 955, написанной от лица некой Милуши к Марене. Каждая из названных женщин, очевидно, представляет один из свадебных станов — невесты «косы великой» и жениха Сновида. В письме три части, каждая из которых открывается фигурным инициалом. Сначала речь идет о сговоре («От Милуши к Марене. Большой косе — пойти бы ей замуж за Сновида»), потом — поздравление ритуальной формулой («Маренка! Пей пизда и секры!») и, наконец, заключение, которое нас сейчас интересует в первую очередь:

Рѣкла ти такъ **Милоуша**: Вѣдаи 2 гривене вецѣрашенеи [НГБ XII: 55, 59]

‘Говорит тебе Милуша: дай две гривны, о которых договорились вчера’.

В обоих случаях — и в костяной, и в берестяной грамоте — начальный глагол фразы вводит речь от 3-го лица — важного актера свадебного действия; в костяной грамоте это невеста, в грамоте № 955 — старшая ее представительница. Создается впечатление, что перформативное употребление глагола речи (*молвила*, *рѣкла*) в брачном контексте приобретает формулярный характер, подобно тому, как глагол *хотѣти* (в брачных грамотах № 377 и 731) приобретал «специальное значение ‘быть согласным на брак’, ‘желать жениться’» [Зализняк 2004: 495].

Замечательно, что центральные персонажи — невеста и жених — именуется в тексте на кости не их собственными именами, а условно-фольклорными *куна* (она) и *соболя* (он). Первый пример непрямого именованья невесты встретился ранее в берестяной грамоте № 955 — *коса великая*. А. А. Зализняк [НГБ XII: 58] и следом за ним Р. Факкани [Faccani 2006: 11] видят в этом сочетании «домашнее» прозвище, относящееся скорее к старшинству среди дочерей в семье, в то время как Д. Коллинз [Collins 2011: 41] понимает *коса* скорее как метонимию вступающей в брак невесты (“rather a pars pro toto metonym for a potential bride”). Более вероятным представляется теперь, в соотношении с именованьем *куна* костяной грамоты, видеть и в сочетании *коса великая* цитату из обрядового языка. В песнях и причитаниях невесты (после сговора и рукобיתья) фигурирует мотив упрека родителям, что рано выдают замуж, не дали дорастить косу до пояса, ср. из фольклорных материалов, собранных в Новгородской области:

Как у вас, мои голубушки, / Жалостливы отцы-матери, / Вам дают, сестрицы милые, / До любя да насидетися, / До охоты нагулятися, / Цветного платья наноситися, / Вам **доростить да русу косыньку** / До единого до волоса, / До шелкового **до пояса** [ФНО 2005: 98].

В таком контексте *коса великая* о невесте может значить то же, что зрелая, на выданье. Свадебный термин *косу продавать* [Усачева 1999: 617], по сути, синонимичен выкупанию невесты.

Вернусь теперь к вопросу о размере выкупа. Исторический материал, который позволил бы укрепиться в одной из двух предложенных интерпретаций чтения, очень скуден.

Упоминания выкупа за невесту в летописи (Повести временных лет по Лаврентьевскому списку) не дают материала для сопоставления, так как там говорится об особенном — княжеском или королевском — выкупе, и размеры его, конечно, чрезвычайны, ср.:

(988:) Вдасть же за вѣно грекомъ Курсунъ впять црѣѣ дѣла, а самъ прѣде Киеву [ЛЛ 1997: 116];

(1043:) В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людии .нѣ. [вар.: осмь] сотъ [Ibid.: 154–155].

По другой причине не может служить опорой и фольклорная формулировка, которую приводит в своем словаре В. И. Даль [2: 218]: «Куницу, лисицу, **золотую гривну** да стакан вина».

Наконец, этнографические данные XIX–XX вв., если и могут быть полезны как свидетельство об обряде, ничего не дают в вопросе о денежном содержании выкупа невесты¹⁵.

Особую ценность в этой связи вновь, как кажется, может иметь берестяная грамота № 955. Интерпретация некоторых элементов ее содержания остается дискуссионной. В частности, две разные точки зрения были высказаны в отношении того, что такое 'две гривны вчерашние' — гонорар ли это свахи Милуши, как предполагал А. А. Зализняк [НГБ XII: 59], или, как предлагает думать Д. Коллинз, не что иное, как выкуп (bride-price), о котором представители жениха и невесты договорились накануне [Collins 2011: 47–50]. С появлением из земли костяной грамоты версия Д. Коллинза, пожалуй, приобретает в весе. Суммы в две и в одну гривну, названные, соответственно, в берестяной и в костяной грамоте, соизмеримы; разница вдвое могла объясняться социально-финансовыми различиями не только семей, но и эпох в жизни

¹⁵ По данным тенишевского «Этнографического бюро», собранным в 1890-е гг., в частности, в Костромской губернии, размер выкупа колебался между тремя и пятнадцатью рублями [Материалы Тенишева, 2004: 36] (за указание на этот источник я благодарна А. Каменской).

одного и того же ареала в Людином конце города¹⁶. Напротив, суммы в 112 и в 80 гривен, которые предполагает альтернативное чтение надписи на кости, представляются странно высокими.

Исходя из сказанного, можно попытаться объяснить неоднородность костяной грамоты в почерке. Так как перебой дуктуса приходится именно на финальное обозначение суммы выкупа, о каждом из двух предложенных чтений этой части документа нужно говорить отдельно.

В первоначальной версии объяснение можно видеть в самой ситуации торга, в диалоге договаривающихся сторон: представитель невесты назначает 112 гривен, а сторона жениха называет 50, а потом набавляет еще 30.

При чтении 'гривна' можно было бы предположить, что финаль *-на* дописана поспешно после неудачи с буквой Н. Более правдоподобным представляется другой сценарий: заранее был заготовлен «бланк» договора — тщательно написанный основной текст, в котором оставалось только дописать сумму выкупа¹⁷. А в момент ритуального договора между сторонами представитель невесты, сообщая ее ответ («молвила куна»), при свидетелях дописывает *-на*: документ готов.

Итак, перед нами ритуальный документ о торге невесты и уплате выкупа (вена, кунного). Значение этой находки трудно переоценить. Прямых аналогий надписи такого содержания в рамках славянского мира и северной Европы пока нет. О некоторых параллелях в берестяных грамотах шла речь выше. Если говорить о надписях на кости, то ближе других — некоторые рунические надписи, обнаруженные в Скандинавии, откуда практика письма на кости, по-видимому, и пришла на Русь. Аналогию можно усматривать прежде всего в текстах костяных грамот сходной, а именно договорной прагматики, так как брак в средневековом обществе рассматривается как определенного рода контрактные отношения¹⁸.

¹⁶ Грамота № 955 была найдена на Троицком раскопе (усадьба Т), в ареале, застроенном дворами богатых боярских родов, новгородской элиты эпохи расцвета республики. Марена, известная по нескольким берестяным документам, «обладала значительной хозяйственной властью, к ней обращался сам князь, она ведала выдачей денег, поступлением зерна и т. п.» [НГБ XII: 56]. Согласно исследованию А. А. Гиппиуса, Марена была женой боярина Петра Михалковича (Петрока), которому принадлежала важная роль в новгородской администрации эпохи [НГБ XI: 169–170]. Сновид, жених из грамоты № 955, вероятно, — сын Марены. В более поздних грамотах № 1007, 1009, 1045, 1047 с соседней усадьбы Ж Троицкого раскопа он действует уже как вполне самостоятельное лицо (о предположительном отождествлении этих персонажей см.: [НГБ XII: 56, 108]).

¹⁷ Для берестяных грамот сокращенное написание слова гривна без окончания в целом нехарактерно; иногда сокращение может соответствовать форме единственного числа слова, например, в именительном падеже дважды в грамоте № 905 (XI в.) и в винительном падеже — в грамоте № 739 (XII в.).

¹⁸ Ср. утверждение историка брачных отношений в раннесредневековой Ирландии: “All three main types of marriage [брак, основанный на внесении собственности

Яркий пример такого рода находится в комплексе рунических надписей на кости из шведской Сигтуны, города, служившего временной резиденцией короля [Gustavson et al. 2001: 197]. Самая пространная и ясная по содержанию из этих надписей (XII в.) найдена в ареале пиршественного зала. Начертанная, как и новгородская, на коровьем ребре, эта двусторонняя «грамота» являлась, как полагают скандинависты, ритуальным актом вассальной верности королю. На одной стороне кости написано: ‘Король угощает щедро. Он дал в преизбытке. Он благоволит’, на обороте: ‘Мари дал кость. Он самый богатый’. Мари, вероятно, был на пиру у короля, и кость скрепляет ритуальный диалог между королем и его вассалом [Sundqvist 2011: 200]. Сходным образом новгородская костяная грамота несет в себе реплику ритуального диалога и скрепляет имущественный договор между невестой и женихом. Перед нами своеобразный пример диалогической устно-письменной коммуникации на пересечении обряда и юридической практики¹⁹.

Сообщение о выкупе невесты расширяет круг текстов, связанных с брачными отношениями и свадебной обрядностью, и тем самым наши представления об этой сфере древненовгородской культуры. Теперь мы знаем, что кость в Новгороде, как и в северной Европе, могла использоваться для ритуальных сообщений. Предпринятый в данной работе филологический разбор текста позволяет составить представление о формуляре и коммуникативном устройстве сообщения о выкупе невесты. Ценно сообщение о размере выкупа. Немаловажно и содержащееся в костяной грамоте свидетельство о терминологии свадьбы и именовании невесты и жениха куницей и сободем. Для дальнейших исследований важно, что образный язык этих свадебных «масок», известных до сих пор по записям XIX–XX вв., может, как оказывается, восходить к очень старой терминологии древненовгородской свадьбы.

Библиография

Гиппиус 2004

Гиппиус А. А., К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус, *Новгородские грамоты на бересте*, 11: (Из раскопок 1997–2000 гг.), Москва, 2004, 183–232.

обоими партнерами, на вкладе мужчины, на вкладе женщины. — М. Б.] are considered by the lawyers as special contractual relationships between the spouses in regard to property, which are similar [здесь пропуск: in some important aspects] to that of a lord and his vassal, a father and his daughter, a student and his teacher, an abbot and his lay-tenant — other pairs that hold property in common and, on occasion at least, run a common household” [Ó Corráin 1985: 6]. В берестяных грамотах о семейных отношениях свидетельств такого юридического сознания немало.

¹⁹ О других примерах такого рода см.: [Гиппиус 2004].

Гура 1997

Гура А. В., *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва, 1997.

— 2004

Гура А. В., Куница. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Н. И. Толстого, 3, Москва, 2004, 46–47.

Даль, 2

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 2-е изд., 2, С.-Петербург, Москва, 1880–1882. [репр.: Москва, 1979].

Зализняк 2000

Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте*, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование), Москва, 2000, 134–429.

— 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.

— 2014

Зализняк А. А., *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*, Москва, 2014.

ЛЛ 1997

Лаврентьевская летопись, *Полное собрание русских летописей*, 1, Москва, 1997.

Макаев 1962

Макаев Э. А., Руническая надпись из Новгорода, *Советская археология*, 3, 1962, 309–311.

Материалы Тенишева 2004

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева, 1: *Костромская и Тверская губернии*, С.-Петербург, 2004.

Медведев 1968

Медведев А. Ф., Загадочная надпись начала XI в. из Новгорода, Е. И. Крупнов, ред., *Славяне и Русь. Сборник статей к 60-летию академика Б. А. Рыбакова*, Москва, 1968, 437–439.

Мельникова 1977

Мельникова Е. А., *Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарии*, Москва, 1977.

— 2001

Мельникова Е. А., *Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации*, Москва, 2001.

Михеев, Сингх 2016

Михеев С. М., Сингх В. К., Глаголические и кириллические буквы на кости второй половины XI века из Новгорода, *Российская археология*, 1, 2016, 99–105.

НГБ, 4

Арциховский А. В., Борковский В. И., *Новгородские грамоты на бересте*, 4: *Из раскопок 1955 г.*, Москва, 1958.

НГБ, 9

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 9: (Из раскопок 1984–1989 гг.), Москва, 1993.

НГБ, 10

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Москва, 2000.

НГБ, 11

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 11: (Из раскопок 1997–2000 гг.), Москва, 2004.

НГБ, 12

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 12: (Из раскопок 2001–2014 гг.), Москва, 2015.

Плотникова 1995

Плотникова А. А., Выкуп, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Н. И. Толстого, 1, Москва, 1995, 475–477.

Рыбина, Хвошинская 2010

Рыбина Е. А., Хвошинская Н. В., Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода, А. Е. Мусин, Н. В. Хвошинская, ред., *Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*, С.-Петербург, 2010, 66–78.

СРНГ, 16

Словарь русских народных говоров, 16: Куделя – Лесной, Ленинград, 1980.

СРНГ, 28

Словарь русских народных говоров, 28: Подель – Покороче, С.-Петербург, 1994.

СРНГ, 39

Словарь русских народных говоров, 39: Сметушка – Сопочить, С.-Петербург, 2005.

СДРЯ XI–XIV вв., 2

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 2: въззалкати – добродѣтельникъ, Москва, 1989.

Срезневский, 1–3

Срезневский И. И., *Словарь древнерусского языка*: репринтное изд., 1–3, Москва, 1989.

Усачева 1999

Усачева В. В., Коса, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Н. И. Толстого, 2, Москва, 1999, 615–618.

Фасмер, 2

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, перев. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, 1–4, Москва, 1986.

ФНО 2005

Фольклор Новгородской области: история и современность, сост. О. С. Бердяева, Москва, 2005.

Янин et al. 2006

Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В., Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы), *Новгород и Новгородская земля. История и археология*, 20, Великий Новгород, 2006, 5–14.

Collins 2011

Collins D. E., Reconstructing the pragmatics of a medieval marriage negotiation (Novgorod 955), *Russian Linguistics*, 35, 2011, 33–61.

Faccani 2006

Faccani R., Malefici e matrimoni. A proposito di due testi novgorodiani su corteccia di betulla scoperti nel 2005, *Studi Slavistici*, 3, 2006, 7–17.

Felle 2020

Felle A. E., Epigrafi e cattedrali. Alcune note sulla Hagia Eirene di Costantinopoli, F. Bisconti et al., eds., *Legite, tenete, in corde habete. Miscellanea in onore di Giuseppe Cuscito*, Trieste, 2020, 189–204.

Gustavson et al. 1983

Gustavson H., Snicdal Brink T., Strid J. P., Runfynd 1982. (Rune finds in 1982), *Fornvännen*, 78, 1984, 224–243.

——— 2001

Gustavson H. et al., Diskussion zum Thema Handelssprachen und Runeninschriften in Haithabu und vergleichbaren Handelszentren, K. Düwel, ed., et al., *Von Thorsberg nach Schleswig* (= Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 25), Berlin, New York, 2001, 179–200.

Macháček et al. 2021

Macháček J. et al., Runes from Lány (Czech Republic) – The oldest inscription among Slavs. A new standard for multidisciplinary analysis of runic bones, *Journal of Archaeological Science*, 127, 2021, 1–8.

Ó Corráin 1985

Ó Corráin D., Marriage in early Ireland, A. Cosgrove, ed., *Marriage in Ireland*, Dublin, 1985, 5–24.

Sundqvist 2011

Sundqvist O., An Arena for Higher Powers. Cult Buildings and Rulers in the Late Iron Age and the Early Medieval Period in the Mälardalen Region, G. Steinsland et al., eds., *Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes*, Leiden, Boston, 2011, 163–210.

References

Artsikhovskiy A. V., Borkovskii V. I., *Novgorodskie gramoty, na bereste, 4: Iz raskopok 1955 g.*, Moscow, 1958.

Berdyayeva O. S., ed., *Fol'klor Novgorodskoi oblasti: istoriia i sovremennost'*, Moscow, 2005.

Collins D. E., Reconstructing the pragmatics of a medieval marriage negotiation (Novgorod 955), *Russian Linguistics*, 35, 2011, 33–61.

Faccani R., Malefici e matrimoni. A proposito di due testi novgorodiani su cortecchia di betulla scoperti nel 2005, *Studi Slavistici*, 3, 2006, 7–17.

Felle A. E., Epigrafi e cattedrali. Alcune note sulla Hagia Eirene di Costantinopoli, F. Bisconti et al., eds., *Legite, tenete, in corde habete. Miscellanea in onore di Giuseppe Cuscito*, Trieste, 2020, 189–204.

Gippius A. A., K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestianyykh gramot, V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste, 11: (Iz raskopok 1997–2000 gg.)*, Moscow, 2004, 183–232.

Gura A. V., Kunitsa, *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*, N. I. Tolstoy, ed., 3, Moscow, 2004, 46–47.

Gura A. V., *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii*, Moscow, 1997.

Gustavson H. et al., Diskussion zum Thema Handelssprachen und Runeninschriften in Haithabu und vergleichbaren Handelszentren, K. Düwel, ed., et al., *Von Thorsberg nach Schleswig* (= Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 25), Berlin, New York, 2001, 179–200.

Gustavson H., Snicdal Brink T., Strid J. P., Runfynd 1982. (Rune finds in 1982), *Fornvännen*, 78, 1984, 224–243.

Macháček J. et al., Runes from Lány (Czech Republic) – The oldest inscription among Slavs. A new standard for multidisciplinary analysis of runic bones, *Journal of Archaeological Science*, 127, 2021, 1–8.

Makaev E. A., L'inscription runique de Novgorod, *Sovetskaya arkheologiya*, 3, 1962, 309–311.

Medvedev A. F., Zagadochnaia nadpis' nachala XI v. iz Novgoroda, E. I. Krupnov, ed., *Slaviane i Rus'. Sbornik statei k 60-letiiu akademika B. A. Rybakova*, Moscow, 1968, 437–439.

Melnikova E. A., *Skandinavskie runicheskie nadpisi. Teksty, perevod, komentarii*, Moscow, 1977.

Melnikova E. A., *Skandinavskie runicheskie nadpisi: novye nakhodki i interpretatsii*, Moscow, 2001.

Mikheev S. M., Singh V. K., Glagolitic and cyrillic characters on an eleventh century bone fragment from Novgorod, *Russian Archaeology*, 1, 2016, 99–105.

Ó Corráin D., Marriage in early Ireland, A. Cosgrove, ed., *Marriage in Ireland*, Dublin, 1985, 5–24.

Plotnikova A. A., Vykup, *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 volumes*, N. I. Tolstoy, ed., 1, Moscow, 1995, 475–477.

Rybina E. A., Khvoshchinskaya N. V., Eshche raz o skandinavskikh nakhodkakh iz raskopok Novgoroda, A. E. Musin, N. V. Khvoshchinskaya, eds., *Dialogue of cultures and peoples in medieval Europe*, St. Petersburg, 2010, 66–78.

Sundqvist O., An Arena for Higher Powers. Cult Buildings and Rulers in the Late Iron Age and the Early Medieval Period in the Mälär Region, G. Steinsland et al., eds., *Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes*, Leiden, Boston, 2011, 163–210.

Usacheva V. V., Kosa, *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 volumes*, N. I. Tolstoy, ed., 2, Moscow, 1999, 615–618.

Yanin V. L., Khoroshev A. S., Rybina E. A., Sorokin A. N., Stepanov A. M., Pokrovskaya L. V., Raboty v Liudinom kontse Velikogo Novgoroda (Troitskie XIII i XIV raskopy), *Novgorod and the Novgorod Region. History and Archaeology*, 20, Veliky Novgorod, 2006, 5–14.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: (Iz raskopok 1990–1996 gg.). *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, Moscow, 2000.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 9: (Iz raskopok 1984–1989 gg.), Moscow, 1993.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 11: (Iz raskopok 1997–2000 gg.), Moscow, 2004.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12: (Iz raskopok 2001–2014 gg.), Moscow, 2015.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt, 2-e izd, pererab. s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.*, Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*, Moscow, 2014.

Zaliznyak A. A., *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: (Iz raskopok 1990–1996 gg.). *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, Moscow, 2000, 134–429.

Марина Анатольевна Бобрик, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института русского языка РАН
Россия, 119019 Москва, ул. Волхонка 12/2
marina.bobrik@online.de

Виктор Кашмирович Сингх, кандидат исторических наук,
научный сотрудник
кафедры археологии
исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4
arхеolog@gmail.com

Received March 15, 2021